

18+

ЕВГЕНИЙ БЫСТРОВ

Не Твой День

ОДНА ТАЙНА. ТРОЕ МУЖЧИН.
НИ ОДНОГО ПРАВИЛЬНОГО
ВЫБОРА



Евгений Быстров

**Не твой день. Одна тайна.
Трое мужчин. Ни одного
правильного выбора**

«Издательские решения»

Быстров Е.

Не твой день. Одна тайна. Трое мужчин. Ни одного правильного выбора / Е. Быстров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-680628-3

У Киры есть всё, чтобы казаться счастливой: любимая дочь, уютная квартира и внимание трёх мужчин. Но её жизнь — это хрупкая конструкция из тайн и условностей. Бывший муж, Максим, верит, что они одна семья. Богатый покровитель, Артём, строит для неё будущее без забот. А ветреный Игорь дарит лёгкость и забвение. Каждому из них Кира отводит своё место, отмечая встречи в календаре разными цветами. Всё рушится в один миг с двумя полосками на тесте. Отцом может быть любой из троих. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-680628-3

© Быстров Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Не твой день
Одна тайна. Трое мужчин. Ни
одного правильного выбора**

Евгений Быстров

© Евгений Быстров, 2025

ISBN 978-5-0068-0628-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Воздух, которым она дышала последние восемь часов, был густой смесью лака для волос, дорогого парфюма и приглушённого запаха чужого пота. Воздух «Версаля».

Кира откинулась на спинку стула в тесной, пропитанной чужими ароматами раздевалке. В зеркале отражалось безупречное макияжное лицо – идеальная маска с ровными стрелками, алыми губами и уложенными с искусной небрежностью волосами. Но маска трескалась по краям. Трещины проступали в глазах – в них читалась усталость возрастом в тысячу лет, та, что просачивается сквозь самые плотные слои тонального крема и смывает всю эту показную красоту.

Она сбросила туфли на умопомрачительных шпильках. Острая, почти сладостная боль пронзила затекшие, распухшие ноги. Она схватила каблук и с силой надавила им на багровый, отвратительный синяк на щиколотке – след новой, не разношенной пары. Боль на мгновение сделала мир чётким и реальным, выхватив его из калейдоскопа приглушённого баса, гула пьяного смеха и звона бокалов.

Достала телефон. Яркий экран резанул по глазам. 03:47. Механическим, выученным до автоматизма движением она выставила будильник на 6:00. Нужно готовить завтрак дочери. Алиса. Имя отозвалось тихим, болезненным уколом где-то под рёбрами.

Она вздохнула. Это был не просто вздох, а последний выдох утопленницы, которую вот-вот накроет очередная волна. – Родные края, – прошептала она в тишину раздевалки, и в её голосе звучала такая горечь, что слова казались отравленными.

– — Чёрный ход «Версаля» пах мокрым картоном, дешёвым виски и отчаянием. Кира вытолкнула тяжёлую дверь плечом, вжавшись в тонкий полушалок, и тут же съежилась от колющего осеннего ветра.

Их уже ждали. Тени у стены, под скупой защитой ржавого козырька. Мать, Мария Ивановна, куталась в старенькое пальто, пытаясь прикрыть от назойливого дождика маленький свёрток на руках – её дочь, Алису.

– Мама! – тонкий, пронзительный голосок пробился сквозь шум дождя.

Сердце Киры сжалось. Она почти выхватила дочь из рук матери, инстинктивно загородив её своим телом и пуховиком от этого места, от этого воздуха, от всей своей жизни.

– Мам, спасибо, – бросила она, целуя в макушку сладко пахнущий детским шампунем комочек. Губы автоматически прикоснулись ко лбу дочери. – Держалась? Температуры не было?

– Вроде нет... – голос матери звучал виновато и устало. Она не смотрела на Киру, её взгляд скользил по грязной кирпичной стене, по обветренной двери. – Максим звонил, спрашивал, не нужна ли помощь... Кира, я не понимаю, что это за работа у тебя до ночи...

– Поехали, – резко, почти грубо оборвала её Кира, поправляя капюшон на голове Алисы. – Я на нуле. Завтра... то есть сегодня, вечером снова смена.

Взгляд матери – молчаливый, полный немого упрёка и стыда – был тяжелее любого камня. Но она лишь покорно кивнула и побрела к машине, старой иномарке, купленной в кредит, который ещё полгода нужно было выплачивать.

– — Тепло салона, монотонный шум двигателя и ровное дыхание спящей на заднем сиденье Алисы должны были успокаивать. Но внутри Киры всё сжималось в тугую, болезненный комок. Она поймала своё отражение в зеркале заднего вида – размазанная тушь, поблёкшая помада, усталое лицо женщины, которой на самом деле было не двадцать три, а все сорок.

Навигатор показывал: «Осталось 15 минут». Пятнадцать минут тишины. Последних за сегодня.

Она ткнула в телефон, включив громкую связь. Набрала номер. Раздались гудки, а затем – весёлый, небрежный голос автоответчика: «Йоу, ты попала на Артёма. Делай, что должен, после писка.»

Кира сделала глубокий вдох, собираясь с силами, как актриса перед выходом на сцену.

– Артём, привет, я с... совещания,

– её голос внезапно стал на октаву выше, сладким, томным, абсолютно фальшивым. – Ужин? Да-да, помню. Дочка приболела чуть-чуть... Посмотрим. Перезвоню. Целую.

Она швырнула телефон на пассажирское сиденье, как только раздался короткий гудок окончания записи. Фальшь застряла комом в горле. Она с яростью провела тыльной стороной ладони по губам, пытаясь стереть липкую, стойкую помаду.

– Целую, – снова прошептала она уже своим, срывающимся от усталости и злости голосом. – Боже, я сама себя ненавижу.

– — Квартира была её крепостью. Идеальной, стерильной, вылизанной до блеска клеткой, за которую она отдавала треть зарплаты. Она занесла спящую Алису внутрь, задержав дыхание, боясь разбудить. Аккуратно, с бесконечной нежностью, которую позволяла себе только здесь, уложила дочь в кроватку, поправила одеяло, поцеловала в тёплый, бархатистый лоб.

– Прости меня, крошка, – её шёпот был едва слышен. – Ради тебя. Всё ради тебя.

Она вышла из детской, прикрыв дверь, и маска окончательно упала. Швырнула ключи в стеклянную вазу на тумбе. Они звякнули, едва не опрокинув хрупкое изделие. Она обвела взглядом гостиную – бежевые стены, идеальный порядок, ни одной лишней вещи. Бездушный, но безупречный кадр из журнала о дизайне. Это была не жизнь, а декорация к жизни. Та, что должна была понравиться Артёму.

Из сумки выпал и, звякнув, покатился по глянцевому полу ламината яркий, блестящий браслет-пропуск из «Версаля». Он лежал там, уродливый и кричащий кусок пластика на фоне её безупречного мира, напоминая о том, кем она была на самом деле.

– — Утро ворвалось в квартиру безжалостно ярким солнцем. Алиса в своём стульчике с энтузиазмом первопроходца размазывала кашу по лицу, столу и собственным волосам. Кира металась между кухней и гостиной с iPad в одной руке и чашкой кофе в другой. На столе лежала пачка счетов, и один из них, от коммунальщиков, был помечен жирной красной надписью «ПРОСРОЧЕНО».

Зазвонил телефон. «АРТЕМ». Глубокий вдох. Включение режима.

– Артём, доброе утро! – её голос снова превратился в сироп. – Да, всё отлично, спасибо. Алиска уже огурчик... Конечно, помню про ужин. Персиковое платье? Только для тебя.

Она положила трубку, и улыбка сползла с её лица, как маска. Взгляд снова упал на просроченный счёт. С раздражением, граничащим с яростью, она смяла его и зашвырнула в дальний ящик кухонного шкафа. С глаз долой.

– — В дверь позвонили. Точнее, раздалось несколько уверенных, настойчивых ударов. Кира вздохнула, заранее зная, кто это. Открыла.

На пороге стоял Максим. В засаленной спецовке с шелкографией «Максим-Сантехник», с сумкой с инструментами через плечо. От него пахло металлом, машинным маслом и лёгкой дерзостью.

– Кого я вижу! Принцесса Алиса! Папа пришёл! – громко, нимало не смущаясь, провозгласил он, проходя внутрь без приглашения. Он потянулся к дочери, доставая из-за спины потрёпанного, но чистого плюшевого мишку. – Смотри, кого я спас от старушки на помойке!

Кира замерла на пороге, её взгляд прилип к его грязным рабочим ботинкам, оставлявшим тёмные следы на идеальном светлом ламинате.

– Максим, я тебя тысячу раз просила. Обувь. Снял. Сейчас же.

Он проигнорировал её, как всегда, прошёл на кухню, потрепал Алису по волосам. – Стиралка у тебя там как трактор завелась. Гляну, пока ты свои ритуалы красоты совершаешь.

– Главный ритуал – потом отмыть за тобой пол, – сквозь зубы процедила Кира, следя за его движениями. – Только ничего не сломай. В отличие от прошлого раза.

Она отвернулась к раковине, сжимая край столешницы так, что кости на пальцах побелели. Сейчас не время для сцен. Система контроля. Нужно сохранять контроль.

– — Она стояла в ванной и чистила зубы, уставившись в своё отражение. Напряжение читалось в каждой черте, в складке между бровей, в плотно сжатых губах. С кухни доносился звук борьбы – лязг инструментов, сдержанное матерное бормотание Максима, а затем он вдруг громко и фальшиво запел какой-то блатной шансон.

Кира закрыла глаза. Ей показалось, что стены этой идеальной, бездушной квартиры медленно, но верно начинают сходить, чтобы раздавить её.

– —

Максим наполовину исчез под раковиной, откуда доносилось недовольное урчание и звуки откручиваемых гаек. Кира стояла рядом, попивая кофе и наблюдая за ним с видом стража порядка.

– Готово, королева, – он выполз, протягивая ей какую-то маленькую деталь. – Прокладка умерла героической смертью. Вспомнила меня, значит. А то уж думал, ты в своём высшем свете совсем забыла, где твой замок.

Кира не взяла деталь, лишь бросила взгляд на жирный след от его руки на белоснежной тумбе.

– Спасибо, – сухо сказала она. – Сколько я должна?

Его ухмылка сползла с лица. – Не за что. Алисе на памперсы. Или на новое платье к ужину с банкиром. – Он встал, собирая инструменты. – Кир, давай как-нибудь втроем сходим куда? В зоопарк, а?

– Максим, у меня нет времени. Ты же видишь.

– Вижу я, вижу, – он прошёл к выходу, тяжело ступая по её чистому полу. – Ты вся в делах. Позвони, если этот ублюдок... если что.

Дверь захлопнулась. Кира осталась одна посреди идеальной кухни, пахнувшей теперь ещё и сантехническим герметиком.

– — Тишину разрезал звонок телефона. «ИГОРЬ». Кира закатила глаза, но ответила. Сразу послышались звуки громкой музыки и его жизнерадостный, слегка пьяный голос.

– Кирочка! Где зависла? Скучно! Тут тусовка одна, огонь! Давай замутим? Я тебя с крутыми людьми познакомлю!

– Игорь, три часа дня, ты уже пьян? – без эмоций поинтересовалась она, разглядывая своё отражение в блестящем чайнике.

– Это не пьянство, это настроение! Летишь? Я за тобой!

– Нет. Я с дочерью. И у меня куча дел.

– Ну вот, опять твой родительский перформанс... Ладно, тогда вечером? В «Версаль» ворвёмся? Я тебя со своим папой познакомлю, он там директором чего-то! – он фыркнул в трубку. – Шучу. Но папа правда директор.

Кира с силой ткнула в экран, обрывая вызов. Её телефон тут же завибрировал снова. СООБЩЕНИЕ ОТ АРТЕМА: «Пришли фото. Персикового платья.» Она зажмурилась.

– — Она уложила, наконец, Алису спать, выдохнула и упала на диван, уставившись в потолок. Телефон снова загорелся. МАРИНА. Её смена. Её «совещание».

Кира смотрела на экран, на спящую дочь за тонкой стенкой, на календарь с пометками. Она закрыла глаза на секунду, набирая воздух в лёгкие, как перед прыжком в ледяную воду. Потом взяла трубку, и её голос снова стал томным, уверенным, деловым.

– Мариночка, конечно. Бегу. Всё улажу.

— Она подошла к планеру, висевшему на холодильнике. Красным маркером, с каким-то почти ритуальным усердием, она зачеркнула все планы на вечер. «Прогулка с Алисой», «Ужин», «Отчет». Рядом с пометкой «Клуб „Версаль“» она жирно, с нажимом вывела: «\$\$\$».

Её лицо в этот момент выражало не решимость. Нет. Это было смиренное, почти покорное выражение человека, который знает, что его единственный путь лежит через ад, и он уже привык к запаху серы.

— В дамской комнате «Версаля» царил иной мир. Зеркала в позолоченных рамках, бархатные кушетки, приглушённый свет. Здесь Кира совершала свой ежевечерний ритуал трансформации.

Она смотрела на своё отражение. Девушка с уставшими глазами стиралась. Исчезала. На её месте возникала другая. Безупречная. Холодная. Недоступная. Она поправила чёрное элегантное платье – униформу хостес, приколола на грудь бейджик с именем, которого у неё не было. Она провела рукой по бёдрам, смахнула невидимую пылинку. Теперь она была не Кира. Теперь она была идеалом. Продуктом. Хозяйкой вечера.

Телефон на барной стойке замигал, разрываясь от сообщений. Она просматривала их, поправляя идеальную укладку.

АРТЕМ: «Удачного вечера. Жду завтрашнего ужина. Целую.»

МАКСИМ: «Кир, ты когда? Алиска во сне тебя звала. Стиралка всё ещё грозитя устроить потоп.»

ИГОРЬ: «Где ты? Скучно! Давай ворвёмся в „Версаль“? Я тебя со своим папой познакомлю!»

Она усмехнулась, коротко и беззвучно. Не отвечая никому. Она была дирижёром этого безумного оркестра. Королевой этого цирка. Она всех их обвела вокруг пальца. Система работала.

— Она вышла в зал. Её походка была лёгкой, плавной, лицо озаряла томная, ничего не значащая улыбка. Она скользила между столиками, делала замечания официантам, наклонялась к VIP-гостям, что-то шепча им на ухо. Её лицо было спокойной, безупречной маской.

Но это спокойствие было обманчивым. Это было спокойствие загнанного в угол зверя, который замер перед прыжком. Или перед ударом.

— Владимир Петрович, постоянный клиент, пахнувший дорогим парфюмом и коньяком, поднялся ей навстречу из-за стола в VIP-ложе. Его взгляд был тяжёлым, оценивающим.

— Кира, красота! Соскучился по твоей улыбке. Как командировка? Всё хорошо?

— Владимир Петрович, всегда рада вас видеть, – её улыбка оставалась профессионально-холодной. – Всё прекрасно. За вашим столиком присмотрели?

Он шагнул ближе, фамильярно взял её за локоть. Его пальцы были влажными и цепкими.

— Столик подождёт. Может, сегодня после работы обсудим... моё новое предложение? Машина у подъезда. Не твоя развалюха.

Кира аккуратно, но твёрдо высвободила руку, не теряя ни капли учтивости.

— Владимир Петрович, вы же знаете правила заведения. Я могу предложить вам самый лучший стол и бутылку шампанского в подарок.

И в этот самый момент её личный телефон, спрятанный в кармане платья, взвыл от вибрации. Не просто зазвонил. Забился в истерику. На экране, ярко светясь, высветилось: «МАМА (3 пропущенных)».

Ледяная волна прокатилась по её спине. Маска на лице дрогнула, дала крошечную, почти невидимую трещинку. Мать. Никогда. Никогда не звонила ей на работу.

Она застыла, разрываясь между наглым взглядом Владимира Петровича и огненной вспышкой паники в собственной груди.

— Опа, – с плотоядной усмешкой протянул он, следя за её реакцией.

— Неужели муженёк застучал? Беги, беги, красotka...

– — Она отшатнулась, почти побежала, расталкивая официантов, прорываясь сквозь толпу, не слыша окликов. Она нырнула в первый попавшийся служебный коридор – узкий, тёмный, пахнущий моющими средствами. Прижалась спиной к холодной стене, с трудом лоя ртом воздух, и судорожно вцепилась в телефон.

– Мам? – её шёпот был хриплым, срывающимся. Она пыталась перекричать грохочущий бас. – Что случилось? Говори! Алиса?..

Она слушала. Слушала несколько секунд. Её лицо, такое безупречное несколько минут назад, стало абсолютно пустым. Безжизненным. Все краски сбежали, оставив лишь мертвенную бледность. Рот приоткрылся, но не издал ни звука. Рука с телефоном медленно, как в замедленной съёмке, опустилась вдоль тела.

Мы не слышим слов из трубки. Только нарастающий, гулкий, как барабанная дробь, ЗВУК ЕЁ СОБСТВЕННОГО СЕРДЦЕБИЕНИЯ. Он заглушает музыку, заглушает весь мир. Её глаза стали огромными, в них читался полный, животный, неосознанный ужас. Она была как раненый зверь, не понимающий, что произошло, но уже знающий, что это – конец.

– Что?.. – беззвучно прошептали её губы. – Нет... Не может быть...

– — Она вышла из коридора. Двигалась медленно, как сомнамбула. Лицо было белым, как бумага. Взгляд пустой, устремлённый в никуда. Мимо неё проносились официанты с подносами, кто-то окликнул её:

– Кира, ты где? Там клиенты спорят из-за стола, разберись!

Но она не слышала. Она смотрела сквозь этого человека, сквозь стены, сквозь весь этот фальшивый, блистающий мир. Она шла к выходу, не видя ничего и никого.

Она прошла через весь зал, как призрак. У самого выхода машинальным движением сорвала с груди бейджик – этот символ её контроля, её лжи, её игры – и бросила его в первый попавшийся пустой бокал на проходном столике. Пластик глухо стукнулся о хрусталь.

Она вытолкнула тяжёлую дверь и вышла на улицу. Под холодную, пронизывающую погоду.

Её Система Контроля дала сбой. Фатальный и окончательный. И она даже не знала ещё, что это было только начало падения

Глава 2

Такси неслось по ночным улицам, оставляя за собой шлейф света от фонарей, растянутый в мокрых полосах на асфальте. Кира сидела на заднем сиденье, сгорбившись, вцепившись пальцами в плечи так, что ногти впивались в кожу сквозь тонкую ткань пиджака. Она не плакала. Слез не было. Была только ледяная пустота внутри и оглушительный звон в ушах, заглушающий все остальные звуки.

– Клуб «Версаль»? – таксист, мужчина с потрепанным лицом, ловил ее взгляд в зеркале заднего вида. – Место что надо. Я туда однажды блогершу возил, так она у меня в салоне блеванула от вашего фирменного коктейля. Пришлось потом оттирать... Деньги, конечно, они там платят, но...

Он не закончил. Кира с яростью, граничащей с отчаянием, втолкнула наушники в уши и выкрутила громкость на максимум. Грохочущий бас заглушил его болтовню, но не смог заглушить нарастающий гул собственной паники где-то глубоко в черепе. Она смотрела в запотевшее окно на проплывающие мимо темные витрины, и ей казалось, что это не город за стеклом, а бесконечный, враждебный тоннель, ведущий в никуда.

Она выскочила из такси, не дожидаясь сдачи, и вбежала в подъезд. Лифт замер на верхнем этаже. Не дожидаясь, она рванула по лестнице на третий этаж. Сердце колотилось где-то в горле, с каждой ступенькой выбивая из нее последние силы. Каблук скользнул по мокрому следу от чьих-то ботинок; она едва удержалась, схватившись за липкие перила, и снова помчалась вверх, не чувствуя ничего, кроме всепоглощающего страха. Она ворвалась в квартиру матери, не закрывая за собой дверь, с выпученными глазами и пересохшим горлом.

– Где она? Что с Алисой?! – ее голос сорвался на визгливый, не свойственный ей шепот.

В гостиной, под мягким светом торшера, сидела мать. Спокойная. Она не спеша допивала чай из любимой кружки с котятками. А на ковре, абсолютно живая и лишь немного бледная, Алиса возводила башню из разноцветных кубиков и что-то радостно лопотала сама себе.

Мать подняла на нее глаза.

– О, приехала. Ну, температура была. Тридцать восемь и пять. Я ей нурофен дала. Сейчас вроде тридцать семь. Спит плохо, вот, играет.

Кира замерла на пороге, как вкопанная. Волна – адреналиновая, горячая, слепая – отхлынула, оставив после себя ледяную пустоту и... ярость. Чистую, беспримесную ярость.

– Тридцать восемь и пять? – она произнесла это медленно, с трудом разжимая скованные челюсти. Каждое слово давалось ей с усилием. – И ты из-за этого устроила мне истерику? Я сорвалась с работы, где у меня клиенты с деньгами, мчалась сюда как умалишенная, отдала за такси ползарплаты! Я думала, у нее... я думала, Бог знает что!

Мать лишь пожала плечами, отхлебнула чаю. – Я волновалась. Ребенок маленький. А ты всегда такая драматичная. – Ее взгляд скользнул по Кире с ног до головы, придирчивый, оценивающий. – И пахнет от тебя... сигаретами и дорогим алкоголем. Неплохо для «совещания».

Кира прислонилась к дверному косяку. Ее начало трясти – мелкой, предательской дрожью, которую она не могла остановить. От злости. От бессилия. От этого токсичного спокойствия, которым мать умела доводить ее до белого каления лучше любого скандала.

– — Вода в душе была почти обжигающе горячей. Кира стояла под сильными струями, пытаюсь смыть с себя все: липкий запах клуба, приторную сладость духов, размазанную тушь, ужас, что еще несколько минут назад сжимал ее горло, и унижительное чувство собственной глупости. Она терла кожу мочалкой до красноты.

И вдруг волна тошноты подкатила к горлу стремительно и неожиданно. Не та, что бывает от страха. Другая. Глубокая, физиологичная. Она едва успела опереться о мокрую кафельную

стену, глотнув воздуха, и дожидаться, пока спазм отступит. Сердце заколотилось снова, но уже по другому поводу. — —

Она пыталась пить чай за кухонным столом, но руки дрожали. Мать молча наблюдала за ней, ее взгляд был тяжелым и пристальным. Кира поднесла чашку к губам, и снова – тот же противный спазм, тошнотворный привкус во рту. Она с силой поставила чашку на блюдце, звякнув.

– Ты чего это зеленая? – спросила мать вдруг, и в ее голосе прозвучала не тревога, а скорее... догадка. Острая, как шило. – Не беременна ли случайно?

Кира закашлялась, поперхнувшись собственной слюной.

– Мам, хватит! – ее голос прозвучал резко, слишком громко для тихой кухни. – У меня просто нервы с тобой сдают! Или ты забыла, из-за кого я только что чуть не умерла в такси?!

Мать покачала головой, но не с упреком. С тем странным, всепонимающим выражением, которое бесило Киру больше всего на свете. Оно словно говорило: «Я-то знаю правду. И ты знаешь».

– — Утро застало ее в собственной квартире. Алиса, утомленная вчерашним вечером, еще спала. Тишина была звенящей, давящей. Кира стояла посреди идеальной кухни и смотрела на маленькую коробочку с противозачаточными, которую она достала из шкафчика. В памяти всплыли обрывки той ночи три недели назад. Игорь. День рождения. Слишком много дешевой текилы и его настойчивые руки. Она пропустила таблетку. Всего одну. Всего один раз.

– Нет, – вслух прошептала она, отбрасывая коробку, как гремучую змею. – Не может быть. Это просто стресс. Просто нервы.

Но ее ноги сами понесли ее в аптеку.

– — Она стояла перед стойкой с тестами, чувствуя себя абсолютно потерянной и по-идиотски заметной, хотя на ней были большие солнечные очки и никакого макияжа. Десятки коробочек с улыбающимися женщинами и надписями «Точно!», «Ультра!», «С первого дня!» смотрели на нее, как обвинители.

– Подсказать? – возник рядом провизор, юная девушка с безразличным лицом.

– Нет! – вздрогнула Кира. – То есть... да. Самый точный. И самый дорогой.

Провизор молча протянула ей электронный тест в сияющей упаковке. Взгляд ее говорил: «Сумасшедшая». Кира схватила его, сунула деньги и почти выбежала из аптеки.

– — Тест лежал на кухонном столе, как невзорвавшаяся бомба. Кира ходила по квартире, не решаясь подойти к нему. Она мыла уже чистую посуду, поправляла идеально лежащие на диване подушки, гладила по голове проснувшуюся Алису. Все было бытовым, привычным щитом против страшной правды, которая ждала ее в той маленькой коробочке.

Ванная комната стала камерой пыток. Руки дрожали так, что она едва могла распечатать упаковку. Она сделала все по инструкции, положила тест на край раковины на белое чистое полотенце и отвернулась. Запустила таймер на телефоне. Сто секунд. Самых долгих в ее жизни.

Таймер прозвенел, пронзительно и неумолимо. Кира зажмурилась, потом медленно, словно против собственной воли, открыла глаза.

На маленьком дисплее четко и безжалостно горели два слова: «Беременна. 2—3 недели».

Мир не рухнул. Он замер. Звуки – шум воды в трубах, голос Алисы из комнаты – пропали. Осталось только ровное гудение в ушах и эти два слова, пылающие перед ней как приговор.

Она медленно сползла по кафельной стене на холодный пол, обхватив колени руками. Она не плакала. Она просто сидела, уставившись в белую дверь шкафчика, видя абсолютную пустоту. Потом ее взгляд упал на рулон туалетной бумаги. Механически, почти не осознавая своих действий, она потянулась к нему и начала рвать. Сначала медленно, потом все яростнее, с каким-то животным озлоблением, разрывая белую бумагу на мелкие клочки и швыряя их на пол.

– — Тест лежал на журнальном столике, как улика, брошенная на месте преступления. Кира сидела напротив, уставившись на него. Потом достала телефон. Палец скользнул по списку контактов. Артем. Максим. Игорь... Она пролистала ниже. Остановилась на имени «СОФИЯ». Единственный человек, кто не читал моралей и не ждал от нее идеальной жизни.

Трубка зазвонила долго. На другом конце взрывались взрывы смеха, громкая музыка, голоса.

– Кируся! Родная! – проорала в трубку София, ее голос был хриплым от сигарет и веселья. – Ты где пропадаешь? Только вчера тебя в «Версале» искала! Там этот брокер твой, Артем, скучал как...

– Софь, ты уже налилась? – перебила ее Кира, и ее собственный голос показался ей чужим, плоским – Сейчас два часа ночи

– У меня обеденный перерыв! – весело парировала София.

– На обед – пино гриджио. Он же из винограда, это почти компот. Без сахара! Я же диете. Что случилось-то?

Кира молчала, глядя на тест.

– Я... я влипла.

– С кем? – София оживилась.

– С тем брокером-занудой? С папой-сантехником? С тем щенком-мажором? О, рассказывай! Детали!

– Нет, – Кира с силой выдавила из себя слово. – Я беременна.

На той стороне на секунду воцарилась тишина, нарушаемая только гулом вечеринки.

– Ну и что, что беременна – наконец прокричала София, еще более пьяно и с непоколебимым оптимизмом. – Родишь. Сделаешь ему запретграм, будешь фоточки выкладывать: Папаша №3 на прогулке» Или №4? Не важно! Современная семья! Ты же у нас многозадачная!

– Да, просто мечта, – с горьким сарказмом прошептала Кира.

– А как же мой план? Ипотека? Карьера? Моя... система?

– К черту твою систему! – скомандовала София. – Ребенок – это же клево! Новый контент для сторис! Ладно, все, мое пино гриджио заветривается. Поздравляю, мамочка! Перезвони, как определишься с отцом!

Щелчок. Кира медленно опустила телефон. Совет подруги не принес облегчения. Лишь подчеркнул сюрреалистичность и ужас ее положения.

Она сидела на краю кровати в детской и смотрела на спящую Алису. Ее лицо было ареной, на которой сражались самые разные чувства: ужас, нежность, отчаяние, злость, растерянность. Она осторожно взяла маленькую теплую ладошку дочери и прижала ее к своему еще плоскому животу. Две ее девочки. Одна тут, другая – там. И между ними – пропасть нерешенных проблем.

Она пыталась работать, гуглила: «аборт», «сколько стоит рождение ребенка», «как скрыть беременность». Каждая ссылка ощущалась как предательство по отношению к одной из них. К той, что спит, или к той, что внутри.

Она снова взяла телефон. Палец замер над именем «Максим». Он уже отец. Он... может быть... Но она не нажала на кнопку. Вместо этого она открыла чат с Игорем. Набрала: «Привет. Надо поговорить. Серьезно.» Стерла. Потом открыла чат с Артемом: «Артем, насчет выходных... может, перенесем?» Снова стерла. Фальшь резала глаза. Слов не было. Только паника.

С криком ярости и бессилия она швырнула телефон в стену. Он отскочил от мягкого дивана и упал на ковер, не разбившись. Даже это ей не удалось.

– Она снова стояла у той же стойки в аптеке. Тот же провизор смотрел на нее с неммым вопросом.

– О... Снова вам? Не сработал? – спросила она без надежды.

– Сработал, – глухо ответила Кира.

– Дайте еще один. Тот же. И еще один. Чтоб наверняка.

Она купила три новых теста. Провизор проводила ее до выхода взглядом, полным неподдельного любопытства и легкой тревоги.

На белоснежной поверхности раковины выстроились в аккуратный ряд три электронных теста. Два маленьких судьи. На дисплеях каждого из них горели одни и те же неумолимые слова: «Беременна».

Шок прошел. Осталось лишь леденящее, безразличное принятие. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Она взяла один из тестов и вышла из ванной. Подошла к своему планеру, к этому символу ее белого контроля, ее «системы». Цветные маркеры: Красный (работа), Синий (Алиса), Зеленый (Артем), Желтый (быт) ... Она взяла новый маркер. Фиолетовый. И жирно, с таким нажимом, что бумага порвалась, нарисовала поверх всех планов, графиков и дедлайнов один огромный, уродливый?».

Ночью она ворочалась в постели, не в силах уснуть. Рука сама легла на живот, все еще плоский, нечем не вызывающий свою тайну.

– Что же мне с тобой делать? – прошептала она в темноту, и это был единственный честный вопрос, на который у нее не было ответа.

– Она вышла на работу в «Версаль». Надела маску. Улыбку. Безупречное платье. Но маска теперь была восковой, застывшей. Она двигалась на автопилоте, не слыша обращенных к ней слов, не видя лиц.

Мимо нее официант пронес поднос с устрицами. Резкий, йодистый запах ударил в ноздри. Волна тошноты накатила мгновенно и неумолимо. Она резко побледнела, зажала рот рукой и, спотыкаясь, побежала в дамскую комнату.

– Эй, ты как? Не блевани тут, а то уборщица снова скандалить будет, – бросила ей вслед другая хостес, проходя мимо.

Кира не ответила. Она просто стояла над раковиной, трясаясь, и умывалась ледяной водой, пытаясь смыть с себя и запах, и позыв, и весь этот кошмар.

У бара она заказала воду с лимоном.

– С лимоном? – удивился бармен.

– Ты чего, болеешь?

– Да, – хрипло ответила Кира, пытаясь поймать тень своей старой иронии. – Такой вирус... дорогой и непредвиденный.

Бармен не понял шутки. Пожал плечами.

Ее взгляд упал на Игоря. Он беззаботно дурачился в толпе друзей, молодой, глупый, сияющий. Отец? Нет. Это слово никак не вязалось с ним.

Потом она увидела Артема. Он сидел в VIP-ложе, деловито разговаривая по телефону, его лицо было сосредоточенным и серьезным. Расчетливый. Стабильный. Проект. Но проект, который вот-вот рухнет под тяжестью ее новости.

Она зашла в дамскую комнату и посмотрела на свое отражение в зеркале. Глаза были огромными, полными паники и усталости. Но где-то в глубине, под всеми этими слоями страха, уже зрела новая, жесткая, отчаянная решимость.

Она достала из клатча один из трех тестов. Посмотрела на него. Потом подняла взгляд на свое отражение.

– Система не подвела, – тихо, но очень четко сказала она своему двойнику в зеркале. – Она просто не была рассчитана на пятого игрока. Значит... нужно менять правила. Всех.

И в ее глазах, впервые за этот вечер, мелькнула не паника, а холодная, отточенная сталь. Игра только начиналась.

Глава 3

Утро застало Киру за созерцанием спящей Алисы. В мягком свете, пробивавшемся сквозь щели жалюзи, лицо дочери было ангельским, невинным. Миром, который еще не знал предательства, сложных выборов и вонючих подъездов на окраине города. Рука Киры сама потянулась к животу, инстинктивно, ища связи между этим миром и тем, что зарождался внутри. Но пальцы лишь наткнулись на плоскую, пока еще ничего не значащую поверхность. Она резко отдернула ладонь, будто обожглась.

– Нет, – выдохнула она в тишину комнаты. – Я не справлюсь.

Это была не мысль, а физическое ощущение. Давление всей той жизни, что была до «Версаля», до ипотеки, до этой показной чистоты. Давление, которое всегда ждало ее там, в старом доме, куда она сейчас и направлялась.

Она упаковывала в простую холщовую сумку пачку денег. Наличка из толстого конверта, который вручила ей накануне Марина со словами: «За сложных клиентов». Купюры были яркими, новенькими, пахли чужими руками и дешевой алчбой. Они кричали о своем происхождении. Они не были ипотечными, расчетливыми, как деньги Артема. Они были грязными. И она смотрела на них с холодным отвращением.

Машина вела ее по незнакомым маршрутам. Навигатор упрямо вел на окраину, где улицы сужались, дома проседали, а люди на остановках смотрели устало и пусто. Кира сидела за рулем, вцепившись в него так, что пальцы затекали. Каждый поворот, каждое узнаваемое место – заброшенный завод, ржавая вывеска старого универсама – вонзались в нее шипами воспоминаний.

Она остановилась у обшарпанной двери подъезда, покрашенной в давно выцветший голубой цвет. Из-за нее доносился приглушенный, но яростный мужской крик. Знакомый. Ненавистный. Кира замерла на ступеньках, слушая эту какофонию. Она вдыхала воздух, пахнувший затхлостью, щами и какой-то безысходностью, собираясь с духом, как солдат перед атакой.

Дверь открыла мама. Она выглядела на все свои пятьдесят, плюс еще десять. Лицо осунувшееся, глаза красные, опухшие. За ее спиной, из глубины квартиры, неся надсадный кашель и тут же – агрессивная, хриплая ругань.

– Кира? – испуганно прошептала мать, бегло оглядывая ее с ног до головы. – Что ты здесь делаешь? Все в порядке? Алиса?..

– С Алисой все хорошо, – Кира прошла внутрь, ее взгляд скользнул по знакомой до мелочей, убогой обстановке. – А с тобой?

ВИКТОР (из-за двери): Марья! Где мои таблетки, а? Я тебе сказал, чтобы они были на тумбе! Совсем офигела, старая?

Кира вздрогнула, хотя ждала этого. Ее лицо застыло, превратилось в холодную, непроницаемую маску. Мама нервно поправила фартук, сделав слабую попытку улыбнуться.

– Папа просто плохо себя чувствует. Лекарства дорогие, нервы у него ни к черту...

– Мам, – холодно перебила ее Кира, – у него не нервы. У него характер – мусорное ведро. И ты ему до сих пор это оправдываешь. Он уже десять лет как ушел к своей дуре молодой, а ты все равно по первому крику бежишь!

Мама опустила глаза, не найдя возражений.

– Он болен, Кира. А та ...та его бросит, как только деньги кончатся. Куда ему одному?

– Он не один! У него есть свой дом и своя молодая жена, которая ему должна ему эти таблетки подавать! – голос Киры звенел от ярости.

– А ты – его запасной аэродром. Вечная. И моя тоже.

Этот упрек был настолько старым и заезженным, что уже не вызывал даже споров, лишь молчаливую, привычную боль.

На кухне, выцветшей от времени, но вымытой до скрипа, мама поставила чайник. Руки ее мелко дрожали. Кира молча достала из сумки конверт и положила его на линолеум стола, заляпанный пятнами от горячего.

– Держи. На эти... нервы.

Мама посмотрела на деньги, потом на Киру. В ее глазах не было благодарности. Лишь усталая вина.

– Я не просила. Ты и так... Ты себя не жалеешь.

– Я себя прекрасно жалею!

– вспыхнула Кира, ее голос прозвучал резко и громко в тесной кухне. – Поэтому и работаю там, где платят много и сразу. В отличие от некоторых, кто всю жизнь на одной надежде сидит, что мусорное ведро когда-нибудь превратится в вазу для цветов.

Она бросила взгляд на дверь в комнату отца. Мама без слов взяла конверт и сунула его в дальний ящик стола, под салфетки.

Кира сидела за столом, не притрагиваясь к чаю. Она смотрела на знакомые до тошноты обои в цветочек, на сколы на плитусе, на протертый до дыр линолеум. Этот дом, эта кухня были ее личным адом. Местом, где из нее на протяжении лет высасывали все силы, все амбиции, оставляя лишь чувство вины и обязанности.

– Мам, – начала она, не глядя на мать, – мне нужно тебе кое-что сказать.

Мама подняла на нее глаза. В них читалась усталая готовность к очередному удару.

– Ты беременна.

Кира аж подпрыгнула на стуле, уставившись на мать в немом шоке.

– С чего ты...?

– Я тебя рожала, – безразличным тоном сказала мама. – Я знаю этот взгляд. Олень в свете фар. Тот... Артем?

ВИКТОР (орёт): Марьиии! Супу! Где суп, черт возьми?!

Мама автоматически вскочила, чтобы бежать к нему. Кира, движением быстрым и резким, вцепилась ей в руку.

– Нет, – прошипела она, сжимая зубы. – Не Артем.

Мама медленно опустилась на стул. Промолчала секунду, перебирая варианты. – Максим? – наконец выдохнула она с легкой надеждой. – Ну... это даже лучше. Он отец, он поможет. Он руки золотые, всегда говорила...

Кира горько усмехнулась и покачала головой. – И не Максим.

На лице матери медленно, как в замедленной съемке, проступил ужас. Она поняла. Остался только один, самый худший вариант. – Боже... Тот... мальчик? Этот... Игорь? Да ты с ума сошла! Ему самому нянька нужна!

– Поздравляю, угадала с третьего раза, – мрачно бросила Кира. – Джек-пот. Мама схватилась за край стола, ее пальцы побелели. – Что ты будешь делать? Ты же не сможешь... Его же отец... они узнают... Ты же все потеряешь!

– Что потеряю? – Кира засмеялась, и ее смех звучал жестко и безжалостно. – Ипотечную квартиру, за которую я плачу деньгами с похорон своей репутации? Работу в ночном клубе, где на меня смотрят как на кусок мяса? Трех мужиков, ни одного из которых я не хочу видеть отцом своего ребенка? Да я уже все потеряла, мама! У меня отняли даже право на нормальную интимную жизнь!

Она поняла, что кричит, и резко замолкла, прислушиваясь. Из комнаты отца наступила звенящая, неестественная тишина.

Она выскочила на кухню в коридор, прислонилась лбом к прохладной поверхности стены, пытаясь заглушить приступ тошноты, подкативший от стресса и этого знакомого, ненавистного запаха бедности и отчаяния.

И тут дверь в комнату отца приоткрылась. Доносился его голос. Сначала приглушенный, потом все громче. Он говорил по телефону.

ВИКТОР (в трубку): Да я ей всю жизнь положил! А она? Таблетки забыла купить! У самой, видели, нервы! Какие у нее могут быть нервы? Сидит на моей шее, как...

Кира застыла. Искажившееся от ненависти лицо стало чужим. Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Вся ярость, все унижение, вся боль вылились в один сплошной клубок, требовавший выхода.

Она сделала шаг к двери. Рука сама потянулась к ручке. Она готова была вломиться туда и выкричать ему в лицо все, что копилось годами.

Но из кухни вышла мама. Она не сказала ни слова. Она просто смотрела на Киру. В ее глазах была не мольба, даже не страх. Была покорность. Та самая, что годами позволяла этому дому оставаться ее тюрьмой. Она молча покачала головой: «Нет. Не стоит. Ничего не изменится».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.